

КИНО И НЕМЦЫ

Граждане, а Воланд-то у него – немец! Это в нем не главное конечно, что немец, хотя свое значение факт имеет. Указание на национальность это штрих такой, придающий достоверность событиям.

Дело известное – если к рассказу убедительности надо подпустить, непременно вводят общеизвестные детали. Скажем, если радио сообщает что в четверг на той неделе женщина забеременела и родила в тот же день здорового мальчика – это будет звучать очень глупо, если не сослаться в самом начале, что события происходили в известном пригороде Лондона Уимблдон, в северо-восточной его части. Географическое указание парализует здравый смысл и отвлекает внимание, придавая истории чрезвычайно правдивое звучание.

У Стругацких тоже вот в целом ряде книг немцы фигурируют. Они такой иступленный рационализм в обстановку вносят, такой близкий уже к альцхаймеру, но не вполне еще свершившийся.

А вообще немцы в русской литературной традиции представлены широко – и как субъект насмешек, и как носители организующего начала, доведенного до некоторой местами бессмыслицы. У Салтыкова-Щедрина, например, рассказ есть про мальчика в штанах и мальчика без штанов. Что там за немцы! И аккуратные, и благочестивые. А эта их кропотливость? Прелесть что за люди. Вот бы нам побольше их в Россию тогда ж навезти, где б мы теперь были!

А у Набокова розовый раскормленный немец плавает в пруду под окном у любимой, обняв за шеи двух лебедей... Это впрочем и не набоковский вообще-то немец, а из Гоголя сюда приплыл, да что нам за разница...

Ну и Воланд туда же – ведь он исполняет некую гармонизирующую функцию в романе, и в то же время слегка нелеп, как всякий немец, что делает его образ менее пафосным и более правдивым.

...Тут был, наконец, даже один литератор-поэт, из немцев, но русский поэт, и, сверх того, совершенно приличный, так что его можно было без опасения ввести в хорошее общество. Он был счастливой наружности, хотя почему-то несколько отвратительной, лет тридцати восьми, одевался безукоризненно...